

ВОИНСТВУЮЩИЙ РЕАЛИЗМ

Великий Горький, продолжая лучшие традиции классического реализма, прокладывал путь реализму нового типа, соответствующему новому этапу освободительного движения народных масс.

Горький выступил как писатель в годы, когда происходил процесс соединения социалистической теории с массовым революционным движением пролетариата, и это одновременно был процесс формирования нового метода в искусстве — социалистического реализма. Горький сначала смутно почувствовал, а затем глубоко осознал новые задачи русской литературы, которая, следуя своим идеально-передовыми традициям, должна была подняться на более высокую ступень — воплощения героики революционной народной борьбы.

«Настало время нужды в героическом», — писал Горький Чехову, и в этих словах выражено существование горьковского подлинного новаторства в литературе. В этом новаторстве сказалось осознание потребностей времени. «Вокруг нас, — писал Горький в 1899 г., — закипает жизнь, пробуждаются новые сознания, возникают новые смелые запросы, нарождается новый человек, он же читатель, пытливый и жаждый до книги. Этот читатель требует ответа на коренные вопросы жизни и духа, он хочет знать, где правда, справедливость, где искать друзей, кто враг».

Горький понимал, что ответить на запросы этого читателя уже нельзя было, оставаясь на позициях критического реализма.

Свои творческие взгляды Горький утверждал в постоянной полемике. Полемичность горьковских статей и рассказов дала основание Л. Толстому упрекнуть Горького в «петушином наскоке». На самом деле это был принципиальный спор, за которым скрывалось осознание новых задач литературы. И именно эти новые задачи остались непонятыми Л. Толстым и А. Чеховым. В письме к Горькому Чехов сочувственно приводил слова Толстого по поводу рассказов Горького: «Можно выдумывать все, что угодно, но нельзя выдумывать психологию. А у Горького попадаются именно психологические выдумки...».

Под «психологическими выдумками» и Толстой и Чехов подразумевали горьковскую героику, стремление писателя показать геройское в характере людей, и они неизменно отвергали его «романтизм».

В представлении Толстого никак не укладывалась даже отдаленная возможность соединения народного характера и героического устремления, ибо его идеи — это «отражение мягкотелости патриархальной деревни и заскорузлой трусливости «хозяйственного мужика» (Ленин).

Те, кто делал из Толстого «святого» и канонизировал его непротивленческую проповедь, — те порывали с национальными традициями русской литературы, тогда как Горький, выступивший против «толстовства», как и против всех попыток идеиного разоружения масс, продолжал глубоко идеиные традиции русского, в том числе и толстовского, реализма. Такова была живая диалектика жизни.

И весьма знаменательно, что Ленин, выделивший в творениях Толстого важнейший этап в развитии реализма, взял под защиту от реакционных критиков горьковские «Заметки о мещанстве», в которых была дана резкая оценка толстовских призывов к смиренению и «самоусовершенствованию». С самого начала было ясно, что Горький не вообще отрицал «старое», а лишь те черты старого, которые вступали в противоречие с новым, с логикой развития жизни. И вполне естественным было его разmezжение с теми поборниками «новейшего» искусства, которые провозглашали девизом разрыв с прошлым и под видом художественного «новаторства» утверждали идеи, уводящие внимание читателя в сторону от насущных задач революционной борьбы.

Уже в 90-х годах Горький прозорливо увидел в декадентстве «явление вредное, антиобщественное», — явление, с которым необходимо бороться». За показной, прозрачной «яркостью» декадентов Горький разглядел идеиную пустоту, и он уподоблял их «мухам в паутине», которые «раздражительно жужжат, наводя уныние и тоску и своей работой еще более обесцвечивая окружающее».

Точно так же борьба Горького с «литературными будочниками» и «ванькиной литературой» — плоским, безидеиным натурализмом — была продиктована теми же возвышенными идеалами, взглядом на литературу, как силу, духовно вооружающую человека. И в том и в другом случае это была глубоко принципиальная полемика с противниками, которые, пытаясь «утвердить некоторые догматические бесспорности», на деле скрывали «явную и гнусную

ложь общественного строя буржуазии». Декадентская поэзия и мещанско-натуралистическая беллетристика, порывая с национальными, освободительными традициями русской литературы, в полной мере обнаружили свою рабскую зависимость от реакционной — бульварной и мистической — литературы Запада. Преклонение перед идеиным гнилем Европы и Америки входило в самое существо эстетики декаданса. Декаденты провозглашали своими философскими учителями Ницше и Шопенгауэра, а художественные образцы усматривали в «чистом искусстве» Бодлера, Верлена и Малларме. Акмеисты обвили своих «учителями» французских парнасцев — этих «властителей дум» реакционной Франции после поражения Парижской Коммуны, футуристы поднимали на щит таких плохих посредственостей, как Маринетти. И даже названия всех этих «течений», с которыми решительно боролся Горький, были заимствованы из иностранных источников. Все это делало такие течения вполне последовательными в стремлении дискредитировать и уничтожить национальное культурное богатство.

Особенность Горьким новой революционной правды большевизма расширило его творческий диапазон, дало ему ясный ориентир в борьбе за свободное будущее и раскрыло его взору подлинную позицию различных классов русского общества. Сама правда жизни раскрылась Горькому, как возвышающая.

Горький — основоположник нового метода в литературе, в котором правда изображения существующей жизни органически соединилась с ясной перспективой будущего. Горький своим творчеством прокладывал путь новой, свободной литературе, принципы которой определил Ленин в статье «Партийная организация и партийная литература»: «Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность».

Именно Горький как художник первый всплыл в своем творчестве принципы большевистской партийности литературы.

Роман «Мать» — шедевр горьковского реализма — показал светлый облик пролетарского революционера, утверждал его как носителя великой общенародной правды.

Это произведение было живой творческой полемикой с ренегатами и циниками, подвергавшими дискредитации и развенчанию революционные идеи. Роман имел огромное

значение как в политическом воспитании народа — Ленин называл «Мать» в этом плане «очень своевременной» книгой, — так и в борьбе с идеиным распадом в литературе. Вооруженный методом социалистического реализма, Горький занял воинствующую позицию в борьбе с реакционной беллетристикой. Он решительно выступил против тех, кто, прикрываясь авторитетом Достоевского, клеветал на революционеров. Выступление Горького против культа реакционных идей Достоевского было продиктовано борьбой во имя «духовного здоровья» «бульвущих поколений».

Борьба Горького с реакционными идеями Достоевского нашла поддержку Ленина и большевистской «Правды», которая отмечала, что в острой борьбе вокруг Достоевского столкнулись два враждебных, борющихся мира.

В эпоху реакции, разлученный на несколько лет со своей родиной, Горький продолжал ощущать близость к русскому народу. С чувством горячей ненависти он наблюдал широкое распространение антиобщественных идей в литературе, и нередко, когда он получал русскую почту, его «пальцы невольно скимались в кулак». «Дело в том, — писал Горький, — что я люблю русскую литературу, люблю страну и верю в ее духовные силы. Это большая любовь. И вот я вижу что-то безумное, непонятное, дикое, отчего мне делается больно и меня охватывает облако горячей мучительной злобы». Вот почему Горький в своих боевых, проникнутых страстью статьях выступал против всех уродств в литературе, при этом напоминая о лучших традициях классической литературы, которая «была очень сильна своим демократизмом, своим страстным стремлением к разрешению задач социального бытия, проповедью человечности, песнями в честь свободы...».

В борьбе с растлевающим влиянием декаданса Горький сплачивал лучшие демократические силы русской литературы — в этом был глубокий смысл его организаторской деятельности по обединению писателей-реалистов вокруг сборников и издательства «Знание», а впоследствии вокруг большевистских печатных изданий.

Обращаясь к советским писателям, Горький говорил:

«Мы выступаем в стране, освещенной

гением Владимира Ильича Ленина, в

стране, где неутомимо и чудодейственно

работает железная воля Иосифа Сталина.

Вот что надо было помнить нам в нашей работе и во всех выступлениях наших перед миром».

Этот боевой наступательный дух, верность идеям коммунизма прививал Горький советским писателям. «Мы выступаем, — говорил он на писательском съезде, — как судьи мира, обреченного на гибель, и как люди, утверждающие подлинный гуманизм — революционного пролетариата, — гуманизмы, призванной историей освободить весь мир трудящихся от зависти, жадности, пошлости, глупости, — от всех уродств, которые на протяжении веков искали людей труда».

Вот почему Горький — национальная гордость советского народа — с такой страстью выступил против вырождающейся буржуазной литературы Америки и Европы. Он увидел проявление ее творческого бессилия и в «яростной и многословной» защите «свободы искусства», его независимости «от социальной политики», в «своеобразии творческой мысли» и утверждении возможности «высоклассового бытия». Горький накопил огромный запас жизненных наблюдений за годы пребывания в Европе и Америке, он знал реальную цену подобных лицемерных проповедей.

Горький всегда призывал писателей держать себя в состоянии боевой готовности — какая бы литературная проблема ни ставилась перед ними: будь это проблема идеиной вооруженности, будь это проблема художественной формы, языка, он осмыслил все в большой международной перспективе. Он напоминал о великой исторической миссии страны социализма, а также о звериной злобе империалистов, готовящихся к истебильной войне.

Не все литераторы тогда как следует понимали это «вторжение в жизнь» горьковских выступлений и статей по вопросам литературы. Но это «вторжение» оказалось одной из важнейших традиций Горького, ныне продолжаемых советской литературой.

В учении ленинизма, в мудром руководстве товарища Сталина строительством социализма в нашей стране Горький видел воплощение тех героических, высоких идеалов, которые питают искусство социалистического реализма.

Обращаясь к советским писателям, Горький говорил:

«Мы выступаем в стране, освещенной

гением Владимира Ильича Ленина, в

стране, где неутомимо и чудодейственно

работает железная воля Иосифа Сталина.

Ан. ВОЛКОВ.
Доктор филологических наук.